

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ ГОРГИСА КАТАФАЛАКИ

Источник: Сигизмунд Кржижановский. Возвращение Мюнхгаузена. Повести. Новеллы. Л.: Художественная литература, 1990.

OCR - Александр Продан, alexpro@enteh.com

Даже оберточная бумага, освобожденная от предмета, порученного ее корректному серому ворсу, не сразу отдает контур, задержавшийся в ее морщинах и складках. Правда, сопротивление оберточной бумаги нетрудно сломать, разгладив втиснутую было в нее полигрань углов и тем доказав ей, оберточной, что она лишь так, оборотень, плоскость, тщетно прикидывающаяся объемом.

Из этого, однако, не следует делать вывода, что писчая бумага, ждущая биографии Горгиса Катафалаки, имеет особые преимущества перед оберткой - и ей дано схватить лишь смутный контур многоугольной человеческой жизни; смысл же самых черных чернил безнадежно сер по сравнению с пестрейшей каруселью пестрот, вращаемых бытием.

Притом, что осталось от примечательной и поучительной жизни Горгиса Катафалаки? Раздробь фактов; дюжина встреч, разбросанных по дюжине дюжинных памятей. Стоит - случайным движением - оборвать нить, и дни, круглые, как жемчужины, брызнут врозь, враскат по щелям и темным углам. И за каждым из дней (дело жизнеописателя трудно) нагибаться и шарить во тьме пером.

1

Просматриватели хроники происшествий, может быть, и помнят зажатую в три строки непарели смерть старика Катафалаки. Переходя трамвайный путь, престарелый Катафалаки заметил непонятный красный блик, задержавшийся навстречу над вертушей бульвара. Заинтересованный феноменом, Катафалаки, став меж двух стальных параллелей, вытащил из футляра очки и, поймав проволочной заушиной ухо, наставил стекла на кривляющееся пятно; он успел уже прочесть: "Берег..." - и был распластан. Черная закладка смерти прикрыла "...ись трамвая".

В наследство сыну остались - лишь пустая оправка очков, разбитых ударом булыжника, да пара чисто катафалаковских - вопросительными знаками из переносицы - чернильного цвета бровей.

2

С юных лет Горгис отдался всецело - от пят до макушки - страсти исследования, углубления и вникания. Всевозможные проблемы дергали его за брови и играли на морщинах лба, как на гармонике. Древние учили: удивление - начало философии. Не было такой вещи, которой мог бы вдоволь наизумляться Катафалаки, и все-таки философии не получалось. Это несколько не обескуражило Горгиса - по сравнению с меланхолическим гейневским юношей, ждущим у моря ответов, у жизнерадостного Катафалаки было огромное преимущество: он лез - вслед за вопросами - в воду и сам, не боясь ни прибора, ни глубин.

Наука Горгису давалась трудно, память, как рваная сеть, не давала улова - он всю жизнь путал Сервантеса с Россинантом, Энгельса с Энгельке, трансцендентное с трансцендентальным, свободные стихи с прозой и Канта с Контом. Никакие отсихпоры и досихпоры, "возле-ныне-подле-после", заколачиваемые учителями, точно тугие пыжи, в мозг Горгиса, не держались в нем никак. Когда репетитор, специалист по исправлению неуспевающих, объяснял, что "манн", то есть человек, во множественном числе смягчается в "меннэр", Горгя, склеив лоб в недоумевающую морщину, упрямо спорил, утверждая, что во множественном числе человек всегда ожесточается.

Так или иначе, не усвоив ни одной из наук, молодой Катафалаки решил строить свою собственную дисциплину. Он не гнался за масштабами и не претендовал на включение будущей катафалакологии в круг больших, классифицированных наук. Как высленец, ладящий свой сруб на отшибе, в сторонке, он был скромн настолько, что наперед отказывался от естественнейшего права, за которое обычно цепляются открыватели самых мизерабельных травинков и камешков, и переименовал катафалакологию в хаустогнозию.

История этой чуть-чуть было не состоявшейся науки такова. Роясь любопытствующими зрачками в трудах анатома Ранке, Катафалаки наткнулся на примечание, в котором ученый делился с читателями своим пристрастием к наблюдению многообразных ушных раковин. Завитки человеческого уха - самое индивидуальное из всего, что можно найти на поверхности головы homo sapiens. "Находясь в толпе, - сообщал германский профессор, - я не разбрасываю внимания, не позволяю ему блуждать, как ему бы хотелось, но сосредотачиваюсь на выглядывающих из-под шапок и начесов ушных раковинах, подмечая наклон и рисунок завитков, степень рудиментизации дарвинова бугорка, длину мочки и т. п."

Другие "читатели", к которым обращалось примечание, вероятно, скользнув по мелкобуквью,